

Шастина М. В. Франц Кафка и Китай / М. В. Шастина // Научный диалог. — 2017. — № 2. — С. 148—159.

Shastina, M. V. (2017). Franz Kafka and China. *Nauchnyy dialog*, 2: 148-159. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.112.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-148-159

Франц Кафка и Китай

© Шастина Марина Владимировна (2017), аспирант кафедры немецкой филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт) (Елабуга, Россия), shastina@rambler.ru.

SPIN-код: 5784-7914

Статья посвящена исследованию малоизученного в отечественном литературоведении аспекта в творчестве немецкоязычного писателя, представителя «пражского круга», одного из выдающихся мастеров европейской литературы — Франца Кафки (1883—1924). В условиях изменившейся геополитической ситуации проблема взаимоотношения Востока и Запада нуждается в дополнительном осмыслении с учетом мирового литературного опыта. Материалом служит малая проза Кафки, в которой присутствует тема Китая. В работе показано, что персональный «китайский дискурс» Кафки находится в амбивалентном отношении к тому образу Китая, который сформировался в начале XX века в европейском сознании. Особое внимание уделяется рассказу «Как строилась Китайская стена» (1917). Привлечены к рассмотрению различные подходы к интерпретации данного произведения. Уделяется внимание интертекстуальному прочтению рассказа. Актуальность исследования видится в том, что на материале малой прозы Кафки представляется возможным проследить особенности эволюции образа Китая в Европе и определить вклад Кафки в формирование общеевропейского «китайского дискурса» первой половины XX века.

Ключевые слова: Китай; китайский дискурс; Франц Кафка; малая проза.

1. Введение

При характеристике творчества Франца Кафки (1883—1924) часто используется эпитет «уникальное». С этим нельзя не согласиться. Действительно, это уникальное явление в мировой литературе, активно исследуемое в отечественном и зарубежном литературоведении. Уникальность Кафки в том, что он создал своеобразную «эстетическую систему» [Седелник, 2009, с. 282], которая, на первый взгляд, предстает простой и понятной, при пристальном же изучении открывает глубинные смыслы

бытия, постичь которые невероятно сложно. «Семантическая связность» произведений Кафки позволяет рассматривать их в виде «единого текста» [Зусман, 1997, с. 7], который в свою очередь может служить иллюстрацией «открытого произведения» (У. Эко), закрепляющего за читателем активную позицию соавтора. Читатель, подобно музыканту, не просто предлагает ту или иную интерпретацию литературного текста, он участник процесса создания произведения. У. Эко называет произведения Кафки «открытыми», поскольку «различные истолкования кафкианских символов (экзистенциалистские, богословские, клинические, психоаналитические) лишь отчасти исчерпывают возможности произведения: в действительности оно остается неисчерпаемым и открытым в своей «неоднозначности», так как на смену миру, упорядоченному в соответствии с общепризнанными законами, приходит мир, основанный на неоднозначности <...>» [Эко, 2004, с. 38].

Кафка, несмотря на житейскую необустроенность, удивительным образом «совпал» с эпохой, в которой было место поиску иной эстетики на фоне наступающей «новой действительности». Тематический ряд писателя созвучен времени, в то же время в его произведениях актуализованы экзистенциальные проблемы, с которыми человек сталкивается на протяжении всей жизни. Это — одиночество и, как результат, страх перед жизнью, это конфликт поколений и отчужденность, неспособность к коммуникации, это власть во всех ее проявлениях и невозможность противостояния ей.

Так называемая «малая проза» Кафки, а также дневниковые записи и письма не являются в этом смысле исключением. Напротив, в рассказах и притчах своеобразии художественного мира Кафки предстает более явно, чем в его романах, где действие порой «замирает» или развивается крайне медленно (например, роман «Замок»). Поэтика малой прозы заслуживает отдельного разговора, поскольку «концентрация» абсурда, не допускающая однозначной трактовки интенций автора, ставит читателя в тупик, выйти из которого невозможно, но попытка хотя бы приблизиться к разгадке феномена Кафки невероятно привлекательна. «Странности» бытия, которые сегодня принято называть кафкианскими, читатель должен воспринимать «не более как знаки, приметы и симптомы смещений и сдвигов, наступление которых во всех жизненных взаимосвязях писатель чувствует» [Беньямин, 2013, с. 51], малая проза Кафки сравнима с зернами, которые дадут всходы «даже тысячелетия пролежав в гробнице» [Беньямин, 2013, с. 58].

Выбранный в настоящей работе ракурс исследования творчества Кафки можно определить как малоизученный в отечественном литературоведении. До сих пор не предпринимались попытки выявить особенности

китайского аспекта в его творчестве. В зарубежном литературоведении проблема «Кафка и Китай» неоднократно являлась объектом исследования. В последние годы, когда взаимоотношения между Востоком и Западом становятся ключевой проблемой современности, обращенность к мировому литературному опыту рецепции «чужой» культуры представляется чрезвычайно актуальной.

Элиас Канетти, на чье творчество Кафка оказал большое влияние, писал: «Китайские темы вообще довольно часто подхватываются европейской литературой еще с XVIII столетия. Но единственный истинно китайский по своему духу писатель, выросший на Западе, — это Кафка» [Канетти, 1993, с. 183]. По мнению Е. М. Шастиной, «для Канетти, как и для Кафки, писать значит открываться сверх всякой меры, он “вовлекает” Кафку в свой ценностный мир, находит массу подтверждений духовной близости, выстраивая линию: Канетти — Китай — Кафка» [Шастина, 2013, с. 204].

В. Беньямин с юмором отмечает, что среди предков Кафки в глубочайшей древности можно отыскать и иудея, и китайца, и грека [Беньямин, 2013, с. 16]. В этой фразе приобретают очертания еврейские корни Кафки и его непростое отношение к сионизму, образ Китая как некая модель общества, не совпадающего с европейской реальностью, метафора, представляющая собой неиссякаемый источник вдохновения, его мифологическое мышление, позволяющее мифологизировать обыденность.

Фундаментальной на сегодняшний день остается монография китайского германиста В. Мэна [Meng, 1986]. В последние десятилетия появились новые исследования «китайского» аспекта в творчестве Кафки (Fang, 1992; Hattori, 2007; Zhang, 2007; Djoufack, 2010; Doo, 2010; Hsia, 2010; Engel, 2012; Japp et al., 2012 и др.)

Актуальность «китайского» аспекта в творчестве писателя подтверждает состоявшаяся в 2016 году в Германии по инициативе Общества Франца Кафки (die Deutsche Kafka-Gesellschaft) конференция «Китай Кафки» (Kafkas China. Kulturwissenschaftliche Lektüren. 7.10—9.10. Erlangen—Nürnberg) [DKG, 2016].

2. Китай Франца Кафки

Для того чтобы понять, о каком Китае идет речь у Кафки, необходим краткий экскурс в историю эволюции Китая в сознании европейцев начала XX века. Китай времен Кафки (1883—1924) часто сравнивался с Австро-Венгерской империей, распад которой произошел в 1918 году, спустя семь лет после распада Маньчжурской империи Цинь (1644—1911) [Meng, 1986, S. 17]. Власть китайского императора в рассказе «Как строилась Китай-

ская стена» и кайзера Франца Иосифа, правящего двуединым государством в течение шестидесяти восьми лет, воспринималась современниками как нечто далекое от реальности, «как понятие». Вопрос о том, жив ли властитель или страной правят от его имени наместники, на протяжении ряда лет оставался для простых граждан без ответа: *Императорская власть как понятие бессмертна, но отдельных императоров свергают с престола, даже целые династии в конце концов сходят на нет и, вдруг захрипев, выпускают дух. Об этой борьбе и страданиях народ никогда не узнает своевременно; как чужаки, как пришедшие слишком поздно, стоят простые люди в конце битком набитых улочек, спокойно жуя захваченные с собой припасы, а далеко впереди, посредине рыночной площади, совершается казнь их владыки* [Кафка, 2011, с. 17]

Интерес европейцев к Поднебесной в начале века был необычайно велик, при этом можно утверждать, что представления о Китае, существовавшие в это время, отражали не столько реальную действительность, сколько некий собирательный образ, нужный для сопоставления с европейской культурой, а чаще для противопоставления ей. Европа рубежа веков — начала XX века находилась в состоянии предчувствия «новой реальности», сопровождающейся интенсивным развитием промышленности, все острее становился вопрос о классовом неравенстве. Политическая ситуация также осложнялась, что в конечном итоге привело к Первой мировой войне. Образ Китая в сознании европейцев претерпевал изменения, становясь своеобразной метафорой, призванной отобразить контраст Востока и Запада. По мнению И. Шустер, «расцвет восторженного отношения к Востоку» пришелся в немецком обществе на период с 1890 по 1925 годы (*die Blütezeit der Ostasien-Begeisterung*) [Schuster, 1977, S. 5], что, естественно, нашло отражение в литературе. Кафка, чья увлеченность Востоком началась еще в гимназии, разделял общий настрой современников, воспринимающих Китай в качестве «загадочного сфинкса». Страна Поднебесья ассоциировалась у него с неким идиллическим образом, с распространившейся в Европе модой на все китайское, с китайской лирикой, с китайскими пейзажами, а также с китайской философией, прежде всего с даосизмом, диктующим человеку следовать по пути, указанному природой, не вмешиваясь в развитие мира и человека как части этого мира.

Особенно «интенсивно» образ Китая начинает «присутствовать» в письмах к Фелиции Бауэр, в частности, в одном из посланий невесте в 1916 году Кафка употребит следующее сравнение: «<...> будь я китайцем, которому уже пора уезжать домой (а сущности я ведь и есть китаец и еду домой) <...>» [Кафка, 2014, с. 569].

Кафка отводит своей возлюбленной миссию стать его дао, указать ему путь, который примирит его с земной жизнью. Тогда еще он искренне верил в собственные силы обустроить жизнь, обзавестись семьей и домом. В письмо, датированное 24 ноября 1912 года с пометкой «после обеда», Кафка включает взятое им из антологии китайской лирики стихотворение «Глубокой ночью», которое, по его мнению, «очень красивое» и его «надо расчувствовать» [Кафка, 2004, с. 85—89]. Кафка комментирует свой выбор: автор стихотворения — китайский поэт Ян-Дзен-Цай (1716—1797) описывает засидевшегося ночью за книгой мужчину, из рук которого «красивая подруга» с гневом вырывает лампу. Образ китайского ученого неоднократно появляется в письмах к Фелиции. Из эпистолярного наследия Кафки можно привести немало примеров, когда художник, описывая собственное внутреннее состояние, обращается к теме Китая. Для него это естественно, поскольку книгу стихов китайского автора он приносит «из соседней комнаты», она всегда под рукой, он ею дорожит. Кафка создает собственный «китайский дискурс», который необходим ему для того, чтобы выстраивать диалог и с близкими людьми, и с общеевропейским китайским дискурсом начала XX века.

3. «Как строилась Китайская стена»

Одним из самых загадочных «китайских» произведений Кафки является рассказ «Как строилась Китайская стена» („Beim Bau der Chinesischen Mauer“) [Кафка, 2011], который был написан в марте 1917 года и впервые опубликован лишь в 1931 году в сборнике рассказов („Beim Bau“). Рассказ Кафки «Как строилась Китайская стена», будучи «классическим» открытым произведением, допускает самые разные прочтения. Этот рассказ, по мнению В. Беньямина, призван показать две вещи: «величие данного писателя и неимоверную сложность сие величие засвидетельствовать» [Беньямин, 2013, с. 48].

Присутствие китайского мотива очевидно, поскольку уже в названии рассказа упоминается Великая Китайская стена — артефакт мировой культуры и символ страны Поднебесья. Естественно, что стена, призванная стать границей китайской цивилизации, выполняет, помимо этого, функцию объединения империи. Сложности возведения Китайской стены описаны в рассказе, но произведение далеко от того, чтобы рассматривать его в качестве исторического текста. Это рассказ-притча, в котором Китай лишь условно может быть соотнесен с конкретным географическим пространством. Очевидно, что в центре внимания — атмосфера коллективного труда, способствующая единению нации, а также императорская власть.

Особенностью поэтики Кафки является фрагментарность, которая в качестве одного из доминирующих принципов присутствует в рассказе «Как строилась Китайская стена» [Braun, 2002, S. 197—199], также «сложенном» из отдельных частей. По мнению Б. Грайнера, в центре повествования не «строительный объект» (Bauwerk), а «процесс строительства» (Vorgang des Bauens) [Greiner, 1999, S. 191], возведение стены ведется также фрагментарно, специально созданными группами рабочих: *Каждой поручалось построить отрезок стены примерно в пятьсот метров, а соседняя группа строила встречный отрезок такой же длины. Но когда отрезки смыкались, эту стену в тысячу метров не продолжали, напротив, рабочие группы посылались совсем в другую местность, чтобы там начать все сызнова* [Кафка, 2011, с. 5].

О деталях строительства стены читатель узнает от Я-рассказчика, который воссоздает события далекого прошлого. Хронотоп повествования не позволяет вычислить возраст строителя, он знает, что было *за пятьдесят лет до начала стройки*, в то же время он считает, что ему несказанно повезло, поскольку *двадцати лет от роду, когда он выдержал завершающие экзамены начальной школы, к строительству стены только что приступили* [Кафка, 2011, с. 7].

Повествователь далек от простого описания строительства стены, его летопись полна рассуждений о проблемах иного порядка. Очевидно, что Китайская стена — лишь метафора, при помощи которой передается значимость этого исторического события. Неслучайно, что Великая стена сравнивается с Вавилонской башней. Вот здесь и начинается «алогизм» Кафки, порождающий новый смысл. Повествователь подкрепляет свои мысли авторитетным мнением специалиста — ученого, который ломает стереотипы, о том, что Вавилонская башня разрушилась из-за непрочного фундамента. Демифологизируя историю Вавилонской башни, Кафка создает новый миф, поскольку *лишь Великая стена впервые в истории человечества явится прочным фундаментом для новой Вавилонской башни* [Кафка, 2011, с. 10], следовательно, сооружение Великой Китайской стены — дело богоугодное, объединяющее нацию и охраняющее государство от врагов: *Единство! Все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе* [Кафка, 2011, с. 9].

В рассказе мысль о власти является одной из самых важных. Пророчески звучит мысль об анонимной власти: *Где этот покой находился и кто сидел там — не знает и не знал ни один человек* [Кафка, 2011, с. 12].

Но и такая власть в состоянии держать в страхе людские массы, так как подконтрольны даже мысли людей: *Старайся всеми силами понять указания начальников, но только до определенных границ, а дальше прекращай размышления* [Кафка, 2011, с. 12]. Таким образом, одна из ключевых проблем общества — проблема г р а н и ц решается автором на разных уровнях. С одной стороны, это границы дозволенного, переступить которые нельзя, с другой стороны, правомерен вопрос о том, кто эти границы устанавливает. В духе Кафки звучит ответ: ***Границы**, поставленные мне моим мышлением, достаточно тесны, а область, которую пришлось бы охватить, — сама бесконечность* [Кафка, 2011, с. 13] (выделено нами. — М. В. Шастина). Автор вступает в полемику с собственной метафорой, что приводит к абсурду, при этом абсурдность выступает характерной чертой реальности.

В композиционном отношении рассказ Кафки напоминает пазл, где явно отсутствуют отдельные фрагменты. Недостающими пазлами можно считать опубликованную позднее в виде отдельного рассказа историю об императорском послании („Eine kaiserliche Botschaft“), а также рассказ «Старинная записка» („Ein altes Blatt“).

Очевидно, что любая стена — Китайская или Берлинская — призвана служить защитой, необходимо лишь выяснить — от кого. Возведение стен необычайно актуально как для XX века, так и для наступившего столетия. Кафка и здесь пророчески заглянул в будущее, поскольку рассуждения повествователя созвучны дню сегодняшнему: главное во все времена — создать образ врага, будет ли это «северный народ» или кто-то другой, не так и важно: *На правдивых картинах **наших** художников мы видим эти отмеченные проклятьем лица, разинутые рты, усаженные острыми зубами челюсти, прищуренные глаза, которые как будто уже высматривают воровскую добычу, и пасть, уже готовую растерзать ее и раздробить. <...> Но больше ничего мы об этих северянах не знаем. Видеть их мы не видели и, живя в своей деревне, никогда и не увидим, даже если они на своих диких конях, разъярясь, будут мчаться на **нас**, — настолько обширна **наша** страна, что она их к **нам** не подпустит, они просто растут в воздухе* [Кафка, 2011, с. 14] (выделено нами. — М. В. Шастина).

В рассказе «Старинная записка» Кафка глазами китайцев показывает должно быть, кочевников с севера, которые непостижимым образом достигли столицы: *Говорить с кочевниками невозможно. Нашего языка они не знают, а своего у них как будто и нет. Между собой они объясняются, как галки. Все время доносится к нам их галочий грай. Наш уклад, наши установления им столь же непонятны, как и безразличны. Поэтому они даже знаки отказываются понимать. Хоть челюсть себе свихни, хоть выверни*

руки в суставах, они тебя не поняли и ни за что не поймут. Зато они горазды гримасничать, вращать глазными белками и брызгать слюной — однако это не значит, что они хотят что-то сказать вам или даже испугать; это их естество. Что ни понадобится — берут. И не то чтобы применяли насилие. Нет, мы сами отходим в сторонку и все им оставляем [Кафка, 2017]. В очередной раз читатель испытывает на себе магию Кафки, построенную на парадоксе. Несмотря на то, что образ врага воссоздан визуально, невозможность вербальной коммуникации «обезоруживает» людей, они лишены способности или желания дать неприятелю отпор.

Рассказ Кафки «Как строилась Китайская стена» трактуется литературоведами с разных позиций. Наиболее распространенной является мысль о том, что в данном произведении, насквозь метафорично, речь идет о сложном отношении Кафки к сионизму [Nakazawa, 1994, S. 84], стоит лишь заменить слово «китаец» на слово «еврей», так сразу же становится понятным амбивалентное отношение автора к популярному в начале века сионистскому движению за обретение прародины для евреев, разбросанных по всему миру. П. Дьюфак (P. Djoufack) анализирует притчу о Китайской стене интертекстуально в контексте европейского восточного дискурса (der europäische Orientdiskurs) и сионистского дискурса (der zionistische Diskurs) [Djoufack, 2010, S. 214—230]. Кроме того, по мнению исследовательницы, текст Кафки может восприниматься читателем как иллюстрация авторского отношения к языку, проблеме идентичности и национального единения (als Medium seiner Reflexion über Sprache, Identität und Nation) [Djoufack, 2010, s. 209].

Итак, противоречивость и неоднозначность восприятия читателем данного рассказа Кафки проявляются на разных уровнях. Для объяснения подобной рецепции исследователи предлагают учитывать различные факторы: многослойную временную структуру, отношения между реальностью и ее отражением в тексте, нарушение целостности и бесконечное смещение смыслов [Bennig et al., 2012].

4. Выводы

«Единый текст» Кафки, представленный в настоящей работе малой прозой писателя, а также его эпистолярным наследием, допускает различные прочтения, что в очередной раз подтверждает мысль о том, что его творчество «открыто» для читателя. Амбивалентное отношение к европейскому восточному дискурсу в целом и к китайскому, в частности, заключено, на наш взгляд, в следующем: с одной стороны, тексты Кафки органично вписываются в китайский дискурс эпохи, писатель разделяет

всеобщее увлечение и восторженность европейцев страной Поднебесья, с другой стороны, для него Китай — понятие вселенского масштаба, позволяющее вести разговор в других единицах измерения.

Приведенный краткий обзор точек зрения зарубежных ученых на рассказ Кафки «Как строилась Китайская стена» создает лишь прецедент, позволяющий идти дальше, для того чтобы понять одного из самых загадочных писателей современности.

Источники

1. Кафка 2011 — *Кафка Ф.* Как строилась Китайская стена / Ф. Кафка ; пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. — Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. — 224 с.
2. Кафка 2014 — *Кафка Ф.* Письма к Фелиции и другая корреспонденция 1912—1917 / Ф. Кафка ; пер. с нем. М. Рудницкого. — Москва : Ад Маргинем, 2014. — 669 с.
3. Кафка 2017 — *Кафка Ф.* Старинная запись [Электронный ресурс] / Ф. Кафка. — Режим доступа : <http://www.kafka.ru/rasskasy/read/starzaps>.

Литература

1. *Беньямин В.* Франц Кафка / В. Беньямин. — Москва : Ад Маргинем, 2013. — 240 с.
2. *Зусман В. Г.* Художественный мир Франца Кафки : малая проза и : автореферат диссертации ... доктора филологических наук романы / В. Г. Зусман. — Нижний Новгород, 1997. — 32 с.
3. *Канетти Э.* Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице / Э. Канетти // Иностранная литература. — 1993. — № 7. — С. 141—195.
4. *Седелник В. Д.* Франц Кафка / В. Д. Седелник // История австрийской литературы XX века. Т. 1. Конец XIX — середина XX века. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького, 2009. — С. 280—309.
5. *Шастина Е. М.* Рецепция китайской культуры в творчестве Элиаса Канетти / Е. М. Шастина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8. — Ч. 2. — С. 200—205.
6. *Шастина М. В.* Китайский аспект в творчестве Франца Кафки / М. В. Шастина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10 (52). — Ч. 2. — С. 195—197.
7. *Эко У.* Открытое произведение : форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004 — 384 с.
8. *Bennig W.* Vier Achsen für die Interpretation von Franz Kafkas Fragment *Beim Bau der chinesischen Mauer* / W. Bennig, E. Petropoulou // Neuphilologus. — 2012. — Volume 96, Issue 4. — S. 583—592.
9. *Braun M.* „Hörreste, Sehreste“: das literarische Fragment bei Büchner, Kafka, Benn und Celan / M. Braun. — Böhlau : Verlag Köln Weimar, 2002. — 311 S.

10. *Djoufack B.* Entortung, hybride Sprache und Identitätsbildung : zur Erfindung von Sprache und Identität bei Franz Kafka, Elias Canetti und Paul Celan / P. Djoufack. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. — 443 S.

11. *Deutsche Kafka-Gesellschaft* [Electronic resource] — Access mode : <https://kafkagesellschaftdotde.wordpress.com/tagungen/kafkas-china-kulturwissenschaftliche-lecturen>.

12. *Greiner B.* Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze : der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“ / B. Greiner // *Zeichen Lesen, Lese-Zeichen : kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China.* — Tübingen, 1999. — S. 175—199.

13. *Nakazawa H.* Über *Die Chinesische Mauer* / H. Nakazawa // *Chinesisch-japanisches Germanistentreffen Beijing 1990 : dokumentation der Tagungsbeiträge.* — Beijing, 1994. — S. 77—95.

14. *Meng W.* *Kafka und China* / W. Meng. — München : Iudicium-Verlag, 1986. — 288 S.

15. *Japp U.* *China in der deutschen Literatur 1827—1988* [Electronic resource] / U. Japp, A. Jiang. — Access mode : <https://www.peterlang.com/view/9783653020441/9783653020441.00008.xml>.

16. *Doo Haeng Sook.* Die Chinarezeption bei den deutschen Autoren um die Wende des 20. Jahrhunderts und deren kulturgeschichtliche Bedeutung im Hinblick auf A. Döblin und F. Kafka [Electronic resource] / Haeng Sook Doo // *Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften.* — 2010. — Nr. 17. — Access mode : http://www.inst.at/trans/17Nr/1-12/1-12_doo17.htm.

17. *Engel M.* Entwürfe symbolischer Weltordnungen : china und China Revisited. Zum China-Komplex in Kafkas Werk 1917—1920 / M. Engel // *Kafka, Prag und der Erste Weltkrieg : Oxford Kafka Studies.* — Würzburg : Königshausen & Neumann, 2012. — S. 221—236.

18. *Fang W.* Das Chinabild in der deutschen Literatur 1871—1933 : ein Beitrag zur komparativen Imagologie / W. Fang. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1992 — 433 S.

19. *Hattori S.* Kafkas China-Motiv und das „heterotopische“ Denken / S. Hattori // *Akten des XI. Internationalen Germanistenkongresses Paris 2005. Band 9 : Divergente Kulturräume in der Literatur-Kulturkonflikte in der Reiseliteratur : Jahrbuch für Internationale Germanistik. Reihe, A.* — Bern : Peter Lang, 2007. — Band 85. — S. 207—223.

20. *Hsia A.* *Chinabilder in der europäischen Literatur* / A. Hsia. — Würzburg : Verlag Königshausen & Neumann, 2010. — 180 S.

21. *Schuster I.* *China und Japan in der deutschen Literatur 1890—1925* / I. Schuster. — Bern : Francke AG, 1977. — 249 S.

22. *Weijian L.* *Kulturelle Exklusion und Identitätsgrenzung : zur Darstellung Chinas in der deutschen Literatur 1870—1930* / L. Weijian. — Bern : Peter Lang, 2007. — 466 S.

23. *Zhang Yi.* *Rezeptionsgeschichte der deutschsprachigen Literatur in China von den Anfängen bis zur Gegenwart* / Yi Zhang // *Deutsch-ostasiatische Studien zur interkulturellen Literaturwissenschaft.* — Bern : Peter Lang, 2007. — Band 5. — 327 S.

Franz Kafka and China

© **Shastina Marina Vladimirovna (2017)**, post-graduate student, Department of German Philology, Kazan Federal University (Yelabuga Institute) (Yelabuga, Russia), shastina@rambler.ru.

The article is devoted to insufficiently studied in local literature aspect in the work of Franz Kafka (1883—1924), the German speaking writer, representative of “the Prague circle,” one of the outstanding masters of European literature. In the context of the changed geopolitical situation, the problem of the relationship between East and West is in need of further interpretation in the light of the world literary experience. The material is Kafka’s short fiction, which is devoted to the topic of China. It is shown that the personal Kafka’s “Chinese discourse” is ambivalent to the image of China, which was formed in the early 20th century in the European consciousness. Special attention is paid to the story “How the Chinese wall was built” (1917). Various approaches to the interpretation of the work were involved in consideration. The article focuses on intertextual comprehension of the story. The relevance of the study is seen in that by the material of short fiction of Kafka it is possible to trace the evolution of the image of China in Europe and to determine Kafka’s contribution in the formation of the European “Chinese discourse” the first half of the 20th century.

Key words: China; Chinese discourse; Franz Kafka; short fiction.

Material resources

Kafka 2011 — Kafka, F. 2011. *Kak stroilas’ Kitayskaya stena*. Sankt-Peterburg: Azbuka; Azbuka-Attikus. (In Russ.).

Kafka 2014 — Kafka, F. 2014. *Pisma k Felitsii i drugaya korrespondentsiya 1912—1917*. Moskva: Ad Marginem. (In Russ.).

Kafka 2017 — Kafka, F. *Starinnaya zapis’*. Available at: <http://www.kafka.ru/rasskazy/read/starzaps>. (In Russ.).

References

- Bennig, W., Petropoulou, E. 2012. Vier Achsen für die Interpretation von Franz Kafkas Fragment Beim Bau der chinesischen Mauer. *Neuphilologus*, 96/4: 583—592.
- Benyamin, V. 2013. *Frants Kafka*. Moskva: Ad Marginem. (In Russ.).
- Braun, M. 2002. „Hörreste, Sehreste“: *das literarische Fragment bei Büchner, Kafka, Benn und Celan*. Böhlau: Verlag Köln Weimar.
- Eko, U. 2004. *Otkrytoye proizvedeniye: forma i neopredelennost’ v sovremennoy poetike*. Sankt-Peterburg: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.).
- Engel, M. 2012. Entwürfe symbolischer Weltordnungen: china und China Revisited. Zum China-Komplex in Kafkas Werk 1917—1920. In: *Kafka, Prag und der Erste Weltkrieg*: Oxford Kafka Studies. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Djoufack, B. 2010. *Entortung, hybride Sprache und Identitätsbildung: zur Erfindung von Sprache und Identität bei Franz Kafka, Elias Canetti und Paul Celan*. Vandenhoeck & Ruprecht.

- Deutsche Kafka-Gesellschaft*. Available at: <https://kafkagesellschaftdotde.wordpress.com/tagungen>.
- Doo Haeng Sook. 2010. Die Chinarezeption bei den deutschen Autoren um die Wende des 20. Jahrhunderts und deren kulturgeschichtliche Bedeutung im Hinblick auf A. Döblin und F. Kafka. In: *Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften*, 17. Available at: http://www.inst.at/trans/17Nr/1-12/1-12_doo17.htm.
- Fang, W. 1992. *Das Chinabild in der deutschen Literatur 1871—1933: ein Beitrag zur komparativischen Imagologie*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Greiner, B. 1999. Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze: der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“. In: *Zeichen Lesen, Lese-Zeichen: Kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China*. Tübingen.
- Hattori, S. 2007. Kafkas China-Motiv und das „heterotopische“ Denken. In: *Akten des XI. Internationalen Germanistenkongresses Paris 2005, 9: Divergente Kulturräume in der Literatur-Kulturkonflikte in der Reiseliteratur: Jahrbuch für Internationale Germanistik. Reihe, A, 85*. Bern: Peter Lang.
- Hsia, A. 2010. *Chinabilder in der europäischen Literatur*. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann.
- Japp, U., Jiang, A. *China in der deutschen Literatur 1827—1988*. Available at: <https://www.peterlang.com/view/9783653020441/9783653020441.00008.xml>.
- Kanetti, E. 1993. Drugoy protsess. Frants Kafka v pismakh k Felitse. *Inostrannaya literatura*, 7: 141—195. (In Russ.).
- Meng, W. 1986. *Kafka und China*. München: Iudicium-Verlag.
- Nakazawa, H. 1994. Über Die Chinesische Mauer. In: *Chinesisch-japanisches Germanistentreffen Beijing 1990: dokumentation der Tagungsbeiträge*. Beijing.
- Sedelnik, V. D. 2009. *Frants Kafka*. In: *Istoriya avstriyskoy literatury XX veka, 1. Konec XIX — seredina XX veka*. Moskva: IMLI im. A. M. Gorkogo. (In Russ.).
- Shastina, E. M. 2013. Retseptsiya kitayskoy kutury v tvorchestve Eliasa Kanetti. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8/2: 200—205. (In Russ.).
- Shastina, M. V. 2015. Kitayskiy aspekt v tvorchestve Frantsa Kafki. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10 (52)/2: 195—197.
- Schuster, I. 1977. *China und Japan in der deutschen Literatur, 1890—1925*. Bern: Francke AG.
- Weijian, L. 2007. *Kulturelle Exklusion und Identitätsentgrenzung: zur Darstellung Chinas in der deutschen Literatur 1870—1930*. Bern: Peter Lang.
- Zhang, Yi. 2007. Rezeptionsgeschichte der deutschsprachigen Literatur in China von den Anfängen bis zur Gegenwart. In: *Deutsch-ostasiatische Studien zur interkulturellen Literaturwissenschaft*, 5. Bern: Peter Lang.
- Zusman, V. G. 1997. *Khudozhestvennyy mir Frantsa Kafki: malaya proza i: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk romany*. Nizhnyy Novgorod. (In Russ.).